

ЧТО-ТО уж очень скупы стали на юмор, на смех, на озорство и веселье наши театры. Этих качеств не обнаруживаешь даже в дипломных спектаклях выпускников театральных вузов. Более того, мне подчас кажется, что некоторые педагоги, так сказать, принципиально ставят скучные спектакли, любой ценой страхуя молодых актеров от наигрыша, от преувеличения, от острого рисунка роли. Органичность актерского существования на сцене из необходимого природного качества абитуриента (как наличие музыкального слуха у студентов консерватории) стала как бы конечной целью воспитания молодого артиста. Что ж, в этом отношении педагоги добиваются успеха: профес-

ную жизнь с ресторанными загулами и модными туалетами, когда они завлекают его «крадеи аглицкой Мерей» и самими хитроумными «техническими удивлениями», — все это очень смешно и забавно. Но в разгар веселья Левша вдруг поворачивается к залу и с подлинной человеческой мукой говорит прямо в глаза зрителям: «Братцы, милые, скажите — в какой стороне Тула наша?.. Не могу я тут больше... Мне без русского воздуха ну... никак невозможно!». А в финале спектакля, когда городские, «окружив густо», забивают Левшу насмерть, — это уже настоящая драма. Но разве можно убить талант народа, его юмор, его сметку, его удачу?! И чудесным образом оживший Лев-

одолевает все эти технические трудности.

И вообще следует отметить, что технически ребята подготовлены неплохо. Они очень пластичны, хорошо танцуют (выразительные и образные танцы интересно поставлены балетмейстером из Кирова Борисом Кобринским), даже выполняют акробатические трюки. В спектакле много со вкусом подобранной русской музыки (небольшим, но очень сложным оркестром студии хорошо управляет Вячеслав Кузнецов), актеры чувствуют музыкальный ритм, верно живут и двигаются в нем, поют народные песни — и задумчивые, и разудалые, и пародийные. К сожалению, техникой сценической режис-

актеров в порядке импровизации. Но и в этом мы видим заслугу режиссера, сумевшего создать такую репетиционную атмосферу и так выстроить спектакль, что непрофессиональные актеры играют как бы даже выше своего потолка. А их профессиональное неумение, их технические погрешности режиссер компенсирует собственной фантазией. Я думаю, что так и должно быть в подобном театре.

Да, выдумки в спектакле много. Пожалуй, даже чересчур. (Должен покаяться, что и меня самого частенько поругивали за переизбыток образных мизансцен, и я боюсь, что до сих пор не до конца излечился от этой «болезни»). Анатолий Силин сработал спектакль крепко, профессионально, с точным чувством стиля и жанра, вложил в него бездну труда и энтузиазма. Особенно запомнились: атака Платова на Лондон; артель тульских мастеров, стилизованная под русскую резную игрушку; корабль, решенный абсолютно условно и в то же время предельно выразительно — из бочки, доски и веревки; наконец, убийство Левши. Все это по-настоящему талантливо. А «перебор» фантазии — что ж, в молодости это не так уж страшно, во всяком случае гораздо лучше, нежели нищета воображения, прикрываемая рассуждениями о вкусе и чувстве меры.

...В тесной комнатке за сценой я беседовал с участниками спектакля, еще не успевшими снять масок. Я говорил им о том, что такой коллектив очень важен и нужен, что его надо во что бы то ни стало сохранять, что надо любить и ценить их молодого режиссера, потому что таких бескорыстных и талантливых энтузиастов мало (впрочем, ребята, судя по их глазам, понимают это сами). Я говорил о спектакле, об удачах и недостатках отдельных актеров, они задавали все новые вопросы, не отпускали меня. Была уже ночь, и я глядел на них и думал: ведь рано утром они снова пойдут на работу, на лекции, а потом опять на репетицию... Это поразительно, это достойно всяческого уважения и поощрения.

Если бы у нас в стране было больше таких коллективов, они могли бы оказывать существенное влияние на развитие всего нашего театра. Перед ними открываются огромные возможности для поиска, для эксперимента. Они могут искать новые методы переложения на язык театра произведений советской поэзии и прозы, они могут создавать свои собственные сценические композиции, они могут работать в любой сценической форме, являясь, по существу, своеобразными лабораториями. А для этого им необходимо всячески помогать — печатать рецензии, организовывать показы, проводить периодические смотры, организовывать гастроли и т. п.

Анатолий Силин работает со своей студией уже четыре года. Я очень хочу, чтобы это творческое сотрудничество продолжалось. И я надеюсь, что читатели сумеют выбрать время, чтобы пойти в Дом культуры типографии «Красный пролетарий» (Делегатская улица, 7) посмотреть этот спектакль и разделить со мной ту радость, которую дает «Резонанс».

КОГДА СМЕХ ВОЗВЫШАЕТ

Заметки об одном спектакле самодеятельной студии

Борис РАВЕНСКИХ,
народный артист СССР

сиональный театр получает свежий выпуск органичных, правдивых, достоверных, но, увы... скучных артистов.

Этим несколько пессимистическим размышлениям я предался по контрасту, после того как посмотрел по-настоящему смешной, озорной, праздничный спектакль, на котором и сам я, и весь зрительный зал с начала и до конца от души веселились. Принимался спектакль великолепно. И на сцене, и в зале торжествовали молодость, оптимизм и веселье.

Правда, было это не в профессиональном театре. Молодежная самодеятельная студия «Резонанс» показывала спектакль с очень длинным и трудно запоминаемым, но соответствующим жанру названием: «Сказ о тульском косом Левше, аглицкой стальной блохе, славном донском казаке — генерале Платове и прочие были и небыллицы». Драматургической основой спектакля послужила известная повесть Н. Лескова (точнее, пьеса Е. Замятина, являющаяся переработкой классической прозы).

Да, юмор заложен в самом материале пьесы. Но его надо было выявить. В данном случае он был выявлен режиссерскими средствами, что, пожалуй, особенно трудно и далеко не каждому удается. Режиссер «Левши» Анатолий Силин умеет это делать, он четко и точно дирижирует настроением зала, избегая монотонности. И вот зритель, только что буквально изнемогавший от хохота, вдруг разом замирает на лирическом или драматическом эпизоде, чтобы через минуту вновь разразиться гомерическим смехом.

В «Левше» заложена очень современная и нужная идея — идея патриотизма и достоинства рабочего человека. Но она, эта идея, не декларируется, а раскрывается в яркой, зрелищной, но очень точной театральной форме. Когда «агличские самонаилучшие мастера» уговаривают тульского Левшу остаться у них, забыть свою родину, выдать секреты своего мастерства, суля за это и богатство, и почет, и сказоч-

ша вновь предстает перед зрителями со своей «разлюбленной девкой Машкой». Буффонада и драма, пляска и чудеса, любовь и юмор — все это отлично совмещается в спектакле, жанр которого определен емким словом: балаган. Да, это настоящий русский народный балаган, площадное действо, скомоорошье игрище с грубоватым, соленым юмором, с злободневными сатирическими выпадами (режиссер включил в спектакль подлинные поделки и прибаутки русских скомоорохов), с его всепобеждающим оптимизмом и жизнерадостностью. Самодеятельные актеры сумели почувствовать и стиль, и жанр балагана. Они поистине купаются в спектакле, отдаваясь игре всенело, и душой, и телом. Они поют и пляшут, ходят на ходулях и кубыркаются, кричат пегухом и режут медведем, стоят на голове и жонглируют. И все это делают очень и очень неплохо.

Конечно же, ребятам не хватает настоящего мастерства, умения создать живой, психологически верный характер на основе глубокого проникновения в образ. Но эти их недостатки возмещаются такими достоинствами, которых, пожалуй, нет у многих «отяжелевших» профессиональных театров. Ну, в самом деле, можете ли вы представить себе, чтобы на профессиональной сцене ведущему актеру предложили работать в такой мизансцене: залезть, согнувшись в три погибели, в небольшую бочку, которую потом кладут на бок и выкатывают на сцену, затем по ошибке переворачивают вверх дном и некоторое время так держат, наконец, переворачивают снова, и актер еще пол-акта играет, сидя в бочке и высунув из нее только голову (эта бочка — царская баня, и царь решает государственные дела, в то время как городские его прятят). Не всякий профессионал согласится на подобные условия игры, да мало кто и сумеет их выполнять. А здесь все это выполняется, да еще актер получает удовольствие от того, что он так лихо пре-

они еще владеют плохо (сильно хромает дикция, не все умеют четко выстроить фразу логически), что совершенно непростительно даже и в самодеятельности.

Персонально из исполнителей могу отметить очень обаятельного и пластичного Юрия Мухина (Левша), озорную и заразительную Марину Брдлик (Машка), влюбившую в себя весь зал, темпераментного, с прекрасными внешними данными Владимира Власова (Платов), экзотричного Алексея Сахарова (Царь), Верстальщик типографии, два студента, молодой инженер. И еще маляр, монтер, мастер производственного обучения ППУ, и снова студенты, и снова инженеры. И все пришли после работы, после учебы и играла с такой отдачей, с таким энтузиазмом, с такой любовью к театру, что приходится поражаться. Это горение на сцене рождает совершенно неожиданные актерские приспособления, краски, находки. Быть свободным в строгом режиссерском рисунке, способным импровизировать, не разрушая замысла сцены, не выходя из жанра спектакля, — все это трудно, но некоторым актерам «Резонанса» удается вполне.

Вот царь кричит: «А позвать мне сюда голландского...». И министр — граф Кисельворде (исполнитель Борис Аглицкий), совершенно бешел от подбострастного усердия, пытаясь предвосхитить любое царское желание, выпаливает: «...сыру!». А вот Левша категорически отказывается от царской милости — сию минуту произвести его «полным генералом в отставке».

— Это в лысье которые? — спрашивает Левша.

— В лысье, — радостно подтверждает царь.

— Нет моего согласия, чтоб в лысье! — твердо заявляет Левша. И вдруг царь хватается его за тудки и говорит: «А-а-а-а-а-а-а!».

Это по-настоящему смешно и вполне в духе спектакля, хотя слов этих нет в пьесе, они родились у